
ТЕОРИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ГЕОГРАФИИ

УДК 910.1

ТЕРРИТОРИЯ И РАЙОН В ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ МАТРИЦЕ ПРОСТРАНСТВЕННОСТИ

© 2013 г. А.Б. Елацков

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию

Проанализированы содержание и структура понятий “территория” и “геотория” (по Э.Б. Алаеву). Рассмотрено их соотношение с понятием геопространства и различными типами районов в рамках географической матрицы пространственности, альтернативной матрице Г.Д. Костинского. Предложено несколько новых понятий, относящихся к структуре геотории и типам районирования.

Введение. Вопрос содержания и соотношения таких понятий как пространство, территория и район издавна занимал географов. Не потерял он актуальность и сегодня. Несколько лет назад Г.Д. Костинский предложил интересную концепцию географической матрицы пространственности [16]. Не отрицая конструктивности выдвинутых идей, приходится признать спорность ряда положений и выводов. В настоящей статье мы попробуем взглянуть на проблему с иной точки зрения. Кроме того, в отечественной литературе неоднозначно трактуются указанные понятия, что приводит к сложностям в интерпретации научных текстов. Рассмотрение дискуссионных понятий в единой системе может помочь в решении данной проблемы.

Геопространство и территория. Многие авторы утверждают, что нельзя отождествлять территорию и пространство. Другие не видят в таком отождествлении ничего страшного. Очевидно, что это все же разные понятия с разным содержанием. Но в чем их различия проявляются? От ответа на этот вопрос зависит и определение соотношения обоих понятий. С точки зрения А.Т. Темирбекова, “единственное, что необходимо здесь доказывать, это то, что понятие пространство объемное, по меньшей мере трехмерное, а территория – понятие не более чем двухмерное” [21, с. 281]. Но разве двумерное пространство – не пространство, пусть оно и имеет особое название? По крайней мере, здесь можно говорить о подпространстве. Но нас больше интересует содержательное различие понятий. Всё большее использование термина “пространственный” вместо “территориальный” происходит не случайно.

Е.Г. Анимца считает, что перейти от понятия “территория” к “пространству” специалистов заставили сложившиеся условия: выход “территориальных” терминов за пределы географии, большее внимание к человеку, переход к многомерному анализу [2, с. 83]. Вместе с тем, с нашей точки зрения, главное отличие геопространства (и ряда его подпространств) от территории – в содержательности, а не в мерности или физической объемности. Оба понятия не только не противоречат, но взаимно друг друга дополняют. Поэтому фраза о том, что “...экономическое пространство – это та территория, в пределах которой...” происходит то-то и то-то [2, с. 84], синонимизирует пространство и территорию, что, на наш взгляд, некорректно. С содержательным аспектом связано и то, что в последнее время экономисты стали рассматривать пространство, в отличие от территории, не только как объект, но и как субъект экономической деятельности [9, с. 6]. И это правильно, если считать экономических акторов частями пространства.

Географическое пространство не может не быть содержательным. *Все геообразования, объекты, процессы и пространственные отношения между ними составляют его неотъемлемую суть* [7; 13]. Геопространство структурно подразделяется на ряд концентрически расположенных глобальных геосфер разной природы – литосферу, гидросферу, социосферу, этносферу и т.д. Соответственно все используемые человеком материальные ресурсы выделяются из геопространства. Отдельные географические образования взаимодействуют с иными геообразованиями, приуроченными к той же или смежной части геоп-

пространства. На этой основе можно проводить различные горизонтальные членения географического пространства способом выделения таксонов (регионов, районов, ареалов, зон), разделяемых вертикальными границами-поверхностями. Такое членение может быть связано с объективной неравномерностью геопространства от места к месту, но может быть проведено и произвольно в практических целях. В глобальном масштабе можно говорить о выделении *секторов в пространстве Земли*, или геопространственных секторов, сходящихся примерно к центру планеты, если не учитывать ее отличную от шара форму. Каждый из них “вырезает” из целостного геопространства определенную часть, образуя своеобразный многослойный “геопространственный пирог”, по выражению Н.В. Каледина [13, с.137]. Соответственно в пределах данных секторов из геосфер выделяются особые подпространства, ограниченные как в вертикальном, так и в горизонтальном простираии. Одно из таких подпространств на границе сред (поверхность земли) получило название “территория”.

Здесь важно подчеркнуть *первичность геопространства перед территорией*. Однако ряд авторов, особенно негеографов, стремятся поменять их местами. Например, определяя пространство как “организованную территорию” [9, с. 8; 15, с. 7] или утверждая, что “...территория для пространства является фундаментом...” [9, с. 11]. Конечно, в пределах той или иной территории могут происходить изменения части глобального геопространства и возникать новые явления, но они не являются порождением территории и не привязаны жестко к ее границам. Строго говоря, “организованным” может быть геопространство в пределах территории, а не сама территория. Соответственно является ошибочным утверждение, что главным фактором, влияющим на размер территории, является “степень освоенности” [9, с. 12].

По Э.Б. Алаеву, территория – это «(ограниченная) часть твердой поверхности Земли..., характеризующаяся протяженностью (площадью) как особым видом “пространственного” ресурса, географическим положением и другими качествами, являющаяся объектом конкретной деятельности или исследования» [1, с. 50]. Обратим внимание, что с учетом рельефа эта “часть поверхности Земли” неизбежно трехмерна или квазидвухмерна (с нулевой толщиной). Назовем это искривленное рельефом квазидвухмерное подпространство *реальной территорией*.

Но это лишь один аспект понятия. Другой заключается в том, что в анизотропном геопространстве горизонтальные и вертикальные направления несопоставимы по значимости и масштабам. Потому любое горизонтальное членение обычно приводится к двумерному пространству, отображаемому на плоскости карты. Как отмечает А.Г. Исаченко, “для решения многих географических задач широко используется понятие об условном двухмерном пространстве, проецируемом на физическую поверхность суши или водоемов; для первого случая принят термин *территория*, для второго – *акватория*” [11, с. 85]. Такая *проективная территория* по площади в общем случае не совпадает с обозначенной выше реальной территорией. Важно понимать, что понятие “территория” вбирает в себя оба названных аспекта, раскрывающихся в зависимости от контекста использования. Кроме того, проективная территория может быть и наклонной. Земледелец или садовод, измеряя полезную площадь земельного участка по длине сторон, не обязательно приводит ее к уровенной поверхности.

Родовым понятием для территории, акватории и аэротории Э.Б. Алаев предложил считать *геоторию* [1, с. 51]. Данное понятие остается дискуссионным и признается не всеми географами. Это связано с тем, что на практике оно успешно заменяется “районом”, “пространством” и “территорией” в широком смысле (“воздушная территория” и т.п.). Хотя, строго говоря, это понятия с разным содержанием. Мы же можем использовать термин “геотория” для обозначения геопространственного сектора. Как синоним аэротории используется также понятие “воздушный столб”. Геопространство, находящееся над верхним пределом атмосферы в пределах геопространственного сектора, можно именовать космоторией [13, с. 136]. Казалось бы, разве имеют значение горизонтальные границы в пространстве орбитальных полетов? Но можно вспомнить, что в 1976 г. семь экваториальных стран на конференции в Боготе уже пытались заявить суверенные права на сегменты геостационарной орбиты [17, с. 31]. Граница космоса до сих пор не определена с международно-правовой точки зрения. В качестве неофициальной используется принятая ФАИ линия Кармана (100–110 км над уровнем моря).

Однако систематика геотории получается неполной, если не учитывать часть геопространства, расположенную ниже поверхности, то есть толщу литосферы, Мирового океана и поверхностных вод суши в пределах геопространственного сектора. Можно для этой цели использовать, допустим, термины “литотория” и “гидротория”

Рис. 1. Территория в геопространственном секторе

соответственно (рис. 1). Близким аналогом первой является геологическое понятие “геометризованный блок недр”. Говорить же в данном случае о “подземной территории” не совсем корректно, так как данный термин в соответствии с дефинициями правильнее относить к пещерам, шахтам и тоннелям. В связи с обострением конкуренции за минеральные ресурсы не исключено, что в будущем территориальные и литотерриальные границы государств не будут совпадать. Проблема широко распространена уже сегодня, если учитывать трансграничные месторождения углеводородов и подземных вод [14].

Свойства территории. Далее определимся с содержательной стороной понятия территории. Очевидно, что изменение территории не обязательно означает трансформацию находящихся на территории объектов геопространства. Это значит, что объекты не являются ее частями, а только “привязаны” к ней особыми отношениями. Еще Г. Гроций считал, что государственная территория отличается от того, что на ней находится. Так, в случае изменения течения пограничной реки “сама территория ничуть не изменится: если же путем примыва что-нибудь и прибавится, то отходит под власть государства, занявшего территорию” [5, с. 223] (за исключением случая, когда граница привязана договором к самой реке). Будучи безразличной к содержанию, территория играет роль координатной системы для расположенных на/под ней геообразований и их пределов. Следовательно, базовое свойство территории – ее местоположение или геодезическое положение, задаваемые, как правило, положением границ. По А.Г. Исаченко, «под территориальностью понимается “привязанность” к квазидвухмерному пространству земной поверхности и, главное, системообразующее значение латеральных (горизонтальных) потоков

вещества, энергии и информации» [10, с. 4]. Перемещение объекта изменяет его отношения с территорией как внешней данностью: объект покидает одну территорию и “привязывается” к другой. Изменяется территория объекта, но не сама территория, за исключением случаев трансформации кривизны реальной территории, то есть рельефа. Из этого следует, что территория сообщает объекту основную свою характеристику – местоположение. Казалось бы, положение определяется отношениями самого объекта к внешним данностям. Это действительно так. Но в картографическом и планировочном выражениях рассматриваются прежде всего отношения не между самими объектами, а между занимаемыми ими территориями. Кроме того, территория, занятая объектом, позиционирована относительно иных территорий/объектов еще до ее занятия. Таким образом, мы приходим к выводу, что любой объект или таксон геопространства (район, ареал) обладает территорией, но сама территория безразлична к своему содержанию (“наполнению”). Как отмечает Ю.Н. Гладкий, она “служит лишь общим фоном расположения материально-вещественных объектов и, строго говоря, – “пуста” с точки зрения модельных построений (хотя на практике... территория часто отождествляется с пространством, и в этом, вероятно, большой беды нет)» [4, с. 237]. Территория является вмещителем почти всех ресурсов [1, с. 50]. Однако и сама по себе она также является специфическим пространственным ресурсом, но ресурсом необычным и уникальным. А вернее – операционным базисом деятельности, для оценки которого важны метрические и топологические характеристики.

Исходя из вышесказанного, возможны разные дефиниции понятия, но обязательно акцентирующие внимание на главном признаке. Так, Г.Д. Костинский считает, что “территория – это земельный участок с определенными границами, мыслимый как единое целое по какому-то конкретному логическому основанию” [16, с. 19]. В данном случае геоположение задается через определенные границы. Но и они могут быть определены не все: “территория к северу от объекта”, “прилегающая территория” и т.п. Границы территории могут быть незамкнутыми или неопределенными. В политической географии для размытой границы осваиваемой территории часто используется понятие фронта.

Мысленно возьмем лист топографической карты и соотнесем его с отображенной (смоделированной) на ней частью географического пространства – “территорией, отображенной на карте”. Но в реальности границы такой территории пересе-

кают поля, дома и прочие объекты в совершенно произвольном месте – как пройдет рамка карты в системе разбиения на листы. На местности никакой целостности этой территории, кроме смежности точек, не обнаружить. Получается, что выделять территории в геопространстве можно вполне произвольно. “Земную поверхность можно бесконечно разделять на... участки различного размера. Если такой участок... ограничить, то он будет называться *территорией*” [6, с. 516]. Соответственно, выражение “определить территорию объекта” – это значит, определить границы и их географические координаты. “Развитие территории” – развитие в пределах территории или развитие всего, что на территории. Наконец, в “образе территории” последняя предстает в виде своеобразной “фоторамки” для мысленного пейзажа или ментальной карты.

Резюмируя вышесказанное, можно заключить, что у территории имеется четыре типа свойств – первичные и производные от них:

а) *первичные*: местоположение или геодезическое положение, логическое основание выделения, неразрывность (по смежности точек или по целостности объекта, который может иметь территории-эксклавы). Наличие эксклавов может требовать транзитных связей через “внешние” территории, но это может не касаться объектов, объединенных лишь информационными отношениями;

б) *вторичные*: площадь, протяженность, двухмерность. Для человека, привыкшего к работе с географическими площадями, их вторичность покажется сомнительной. Но ничего экстраординарного в данном положении нет: в общем случае площадь является величиной неопределенной, так как территория может не иметь замкнутых границ;

в) *третичные*: населенность, потенциал, ресурсы, статус и тому подобные параметры, характерные для территории в целом;

г) *аналитические*: ландшафты, распределение населения, климатические зоны и т.п. Но здесь мы переходим к изучению геопространства в пределах территории. При этом могут выделяться территории меньшего размера.

Три концепции территории. В отечественной научной традиции широко трактуемое понятие территории – одно из важнейших. Как видно из предыдущего обсуждения, оно имеет ярко выраженный общегеографический смысл. На его основе повсеместно используются такие понятия, как природно-территориальный комплекс, территория леса, загрязненная территория, городская территория, административно-территориальная

единица и т.п., в которых используются как социальные, так и природные основания выделения. А.Е. Зеленская сопоставляет отечественные дефиниции понятия “горная территория” с геоморфологической, физико-географической и экономико-географической точек зрения. Во всех случаях основным критерием оказывается природный фактор (рельеф, климат и т.д.) [8, с. 773]. Такая общегеографическая трактовка территории – не прихоть авторов. Она давно и устойчиво закрепились в современном русском языке.

Однако в англоязычном мире дело обстоит иначе. Понятие “*territory*” часто игнорируется в географических словарях. А в тех случаях, когда оно разъясняется, получает преимущественно, но не исключительно, интерпретацию, которую мы бы назвали административно-хозяйственной или “владельческой” [27–29]. В зарубежной естественной географии дело обстоит аналогичным образом – термин применяется лишь в отношении территориальных животных [30]. Для описания общегеографических аспектов авторам требуется переходить в другую систему понятий. В том смысле, в котором мы привыкли употреблять термин “территория”, в англоязычном мире обычно используют термины “пространство” (*space*) и “площадь” (*area*), что следует учитывать при переводе текстов с одного языка на другой. Отметим одно определение американского автора, к которому еще вернемся ниже. Территория (*territory*), – считает Д. Делани, – это «ограниченное, многозначное общественное пространство, “значения” (*meanings*) которого подразумевают функционирование власти в общественных отношениях. Территория, в определенном смысле, есть слияние значения (*meaning*), власти (*power*) и общественного пространства (*social space*). Прототипом территории может быть территория национального государства» [27, р. 196].

В такой политической интерпретации есть определенный исторический смысл. Еще Г. Гроций отмечал неоднозначность этимологии термина, считая возможным его происхождение от “устрашения врагов” (*terrendis hostibus*), “попранья” (*terendo*), “земли” (*terra*) или “права устрашения” (*terrendi jure*) [5, с. 642]. Возможно, “территория” объединила через игру слов все эти смыслы. Однако значение “земля” осталось, очевидно, ведущим. Позже в “государственную территорию” стали включать акваторию, воздушное пространство и недра, причем общая “владельческая” концепция оставалась неизменной. Надо заметить, что в Западной Европе “владельческое” понятие территории было в XIV в. преобразовано в еще более узкое “юрисдикционное” (политическое) в

целях противопоставления притязаниям пап [28, р. 758]. В наше время жесткое следование данной концепции приводит политическую науку в методологический тупик, который Дж. Эгню назвал “территориальной ловушкой” [26]. В связи с этим С. Элден предлагает расширить интерпретацию понятия за счет обращения к истории его развития, но остается тем не менее в рамках “владельческой” концепции [28]. Отечественные же авторы широко используют все три концепции территории. Так, Н.В. Каледин, опираясь на деятельностный подход, считает территорию “прикладным” понятием, обозначающим природную арену деятельности общества [13]. Крайнюю позицию занимает Н.А. Косолапов, который утверждает, что территория может называться таковой, лишь выступая средой жизнедеятельности каких-либо организмов, “это... место, где кто-то обитает” [15, с. 6]. В данных случаях мы имеем дело с вариантами “владельческой” концепции.

Государственная же территория с правовой точки зрения понимается по-разному в различных правовых концепциях: как объект государственной собственности, как пределы компетенции государства, как само государство в пространственных пределах, как международно-правовая собственность государства. В любом случае, речь скорее идет о части геопространства, чем о собственно территории. Действительно, в современном мире выделяются политические территории верхнего уровня – государственная, международная и со смешанным режимом. Любая другая политическая территория будет выделена из их частей. Так, именно в рамках политической концепции выделяются следующие типы территорий: административные, чрезвычайного положения, демилитаризованные, колониальные, прямого правления, закрытые, спорные, транзитные, субъектов федерации и т.п. [3]. Однако это не значит, что властные отношения – обязательный признак любой территории в широком смысле. Государственная территория – это всего лишь территория района особого типа. Вполне могут выделяться и трансграничные территории, и территории естественных объектов. Так, акватория озера остается акваторией независимо от того, находится ли она в чьей-либо собственности. Правда, в англоязычном варианте она будет лишь “водной поверхностью” (water area).

Таким образом, *следует строго различать два понятия территории – общегеографическое (геопространственное) и “владельческое” (правовое, деятельностное)*. Причем второе оказывается частным случаем первого (рис. 2), так как географическая территория/геотория есть у любого

Рис. 2. Соотношение концепций территории

типа района, в том числе у административно-политического. Далее, в рамках “владельческого” подхода выделяется *политическая (юрисдикционная) территория*. Смешение разных концепций приводит в отечественной литературе к многочисленным казусам интерпретации. Так, один из современных авторов цитирует слова англоязычной статьи о том, что глобальная политика теряет “территориальный смысл”, косвенно интерпретируя их как подтверждение тезиса об «уменьшении значимости категории “реальное пространство”, пространства географического, физического» [25, с. 19, 30]. А речь-то идет, преимущественно, об уменьшении значимости государственных границ и юрисдикций. Именно в этом ключе следует понимать и относительно новый зарубежный термин “детерриториализация” (deterritorialization).

Матрица пространственности. Территориальность выступает свойством многих географических образований. Для изучения самих этих образований проводится выделение особых единиц – таксонов (ареалов, зон, районов и регионов). “Соответствующим образом квалифицированная территория приобретает качество географического таксона” [1, с. 50]. С этим основным отличием территории от района (таксона) согласны большинство отечественных авторов. Если отвлечься от “владельческой” интерпретации территории, то с таким пониманием района (региона) солидарны и зарубежные исследователи [6, с. 516]. Итак, главное отличие территории от района – в содержательности. Соответственно районирование выполняет важнейшую функцию упорядочивания геопространственной информации и используется в познавательных и управленческих целях. Из-за своей содержательности выделяемые таксоны трехмерны [10, с. 4; 19, с. 293]. Однако есть и иные точки зрения. Так, Г.Д. Костинский, как и некоторые другие авторы, противопоставляет территорию району только как целое и часть, не обращая внимания на содержательные различия. Район предстает лишь результатом дробления территории или большего района [16, с. 19]. Мы с подобной позицией согласиться не можем.

В районе можно выделять не только подрайоны, но и территории, не обладающие районными признаками. Вместе с тем, бессмысленно районировать территорию как “пустое место”. Районируется содержательное геопространство в пределах территории (геотории). Территорию можно, конечно, дробить на независимые от содержания пространственные фигуры, такие как сетка геодезических координат. Но эти территории-части могут стать районами только при соответствующем преобразовании геопространства (освоение новых земель, строительство городов, районная планировка и т.п.) или при наполнении его дифференцированным смысловым содержанием.

Однако при дальнейшем углублении в суть понятия мы сталкиваемся с проблемами. Л.В. Смирнягин выделил целую серию “узловых” или “проклятых” вопросов в теории районирования. “Не сложилось даже согласия, – пишет он, – насчет определения того, что такое районирование и что такое район” [20, с. 6]. По нашему мнению, в данном контексте следует говорить о приблизительном понятии, или даже о семействе понятий. Важно лишь четко определяться с тем, какое из них используется в конкретном исследовании. Это хорошо видно на примере парадигм районирования, выделенных В.Л. Каганским (конструктивной, семиотической, онтологической, социоконструктивной, ментальной и их сочетаний), для которых характерны собственные представления о конкретной природе районов и их границ [12]. Большой вклад в изучение многообразных типологий и свойств районов начиная с 1960-х годов внес Б.Б. Родоман [19, с. 210–320].

Итак, у Г.Д. Костинского территория и район предстают двумя полюсами на оси матрицы пространственности как целое и часть [16, с. 25]. И в таком виде ось действительно имеет место. Но интерпретация у нее должна быть иной, а именно: это своеобразная шкала – от отсутствия районных признаков (безразличия к содержанию) до полной определяемости этими признаками. Вместе с тем, сам район в широком понимании включает три разновидности: ареал, частный и комплексный районы (хотя ареал по некоторым особенностям районом не считается) [20, с. 6]. Не вступая в дискуссию о соотношении ареального, частного и комплексного районирования, объединим две названные “оси” категорий в одну, упорядоченную в соответствии со сложностью и содержательностью понятий: *территория – ареал – частный район – комплексный район*.

Далее нас интересуют наиболее обобщенные типы районов. Традиционно их принято подраз-

делять на однородные (или равномерные, гомогенные, формальные) и узловые (или нодальные, вместе с которыми можно рассматривать также полинодальные и коннекционные) [1, с. 72; 19, с. 316; 29, р. 631]. По Л.В. Смирнягину, диалектика однородных и узловых районов – один из “проклятых” вопросов теории районирования. Его суть заключается в сочетании морфологического и функционального единства районов [20, с. 10]. Соотношение этих видов районирования – вопрос достаточно сложный и до конца не проясненный [11, с. 92, 131–132]. Многие авторы отмечают, что реально выделяемые районы сочетают в той или иной мере признаки обоих типов [20, с. 11; 11, с. 131]. Таким образом, их можно представить как идеальные типы. Выше мы выделили ось понятий: территория – ареал – район. Но здесь правильнее было бы говорить именно об однородном районе. Кроме того, можно провести аналогию между очаговым ареалом и узловым районом, которые различаются наличием целостности [1, с. 72]. Эти понятия образуют вторую ось: *территория – очаговый ареал – узловой район*. Можно предположить, что обе оси пересекаются в “нулевой” точке, обозначенной понятием “территория/геотория” (на обеих осях она одинаково безразлична к содержанию). Таким образом, мы получаем систему координат, в которой можно расположить реальные районы по выраженности в них признаков обоих типов. В частности, промежуточное положение займут полинодальные и коннекционные районы.

В социально-экономической и естественной отраслях географии, в рамках которых и развивалась теория районирования, такое представление вполне приемлемо. Однако в политической географии и тем более в геополитике его оказывается недостаточно. Обозначим здесь проблемный вопрос в порядке обсуждения. Он заключается в том, что некоторые районы с натяжкой приходится относить к одному из двух вышеуказанных типов или же именовать их, следуя Б.Б. Родоману, “искусственными” или “практическими” [19, с. 318], чтобы обосновать их особое положение в типологии. Речь идет прежде всего о государствах и их административно-территориальных единицах. Разные исследователи классифицируют их по-разному, что само по себе говорит о проблемности вопроса. С одной стороны, административный район обладает признаками однородного [23, с. 7]. Об этом писал еще Р. Хартшорн [24, с. 171, 193]. Действительно, территория государства находится под “однородным” суверенитетом (если не принимать во внимание особых подрайонов). Но с другой стороны, большинство авторов по

понятным причинам относят административный район к типу узловых [4, с. 293; 19, с. 316]. Вместе с тем с точки зрения политической регионалистики фактические территориально-политические системы (как узловые районы) не совпадают с границами административно-территориальных единиц [22, с. 34–36]. Положение спорное, но показывающее трудность идентификации административной единицы в качестве именно узлового района. В частности, пустынные необитаемые территории никакими явными “узловыми” связями не обладают.

С подобной проблемой можно столкнуться и при ином “практическом” районировании. Как типизировать, например, районы земельной собственности, зоны интересов, шесть глобальных “зон ответственности” (areas of responsibility) американского военного командования (USAFRICOM, USCENTCOM и т.д.)? Такой район, казалось бы, обладает признаками районов обоих типов. Он вроде и централизован, но суверенитет государства, например, на нем равномерен. Центр вроде есть (допустим, штаб-квартира), но может легко переместиться даже за пределы района. Существуют, например, “экстерриториальные” столицы и центры: Пешавар для Зоны Племен в Пакистане, Санкт-Петербург для Ломоносовского района Ленинградской области, Штутгарт (Германия) для “зоны ответственности” Африканского командования США. Нам представляется, что мы имеем дело не с синтезом двух типов, а с третьим, равноценным типом района. Его особенность заключается в том, что *одним лишь исследованием местности невозможно обнаружить признаки, по которым определенный участок следует отнести к некоторому району* данного типа. Подсказать это могут разве что пограничные столбы. Р. Платт писал в 1935 г. о племени в верховьях Амазонки, пребывающем в “благословенном неведении того, что оно живет в зоне международной напряженности” – на территории, оспариваемой Перу и Эквадором, и не знаящем о существовании самих этих государств [цит. по: 24, с. 180]. В ряде случаев единственный способ определить принадлежность – исследовать архивы. Сходными особенностями обладают также вернакулярные районы и часовые зоны. То есть для понимания таких районов нужно иметь один или несколько своеобразных нормирующих “ключей” (материальных ли, смысловых ли или каких-либо еще). Но такие районы не становятся от этого чем-то эфемерным: из-за них могут вспыхивать даже международные конфликты. Отдаленным сходством с обсуждаемым типом районов обладают описанные Б.Б. Родоманом ассоциативные

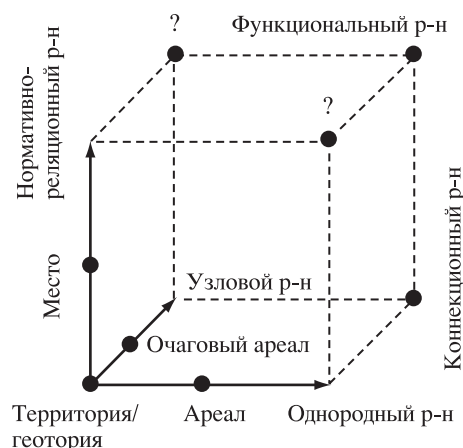

Рис. 3. Географическая матрица пространственности

районы [19, с. 282], которые определяются, однако, в противопоставлении с субстантивными, а не узловыми или однородными районами, и часто имеют выраженность на местности.

Условно назовем рассматриваемый тип района *нормативно-реляционным*. В разных отраслях географии районообразующие отношения в данном типе районов будут разного типа. Так, для государственной территории ими предстают отношения геополитические. В таком районе функциональность часто привносится или дополняется извне, а не проистекает из особенностей самого района. Данный тип создает третью ось понятий: *территория – нормативно-реляционный район*. Каждый реальный район в той или иной мере может обладать признаками не двух, а всех трех идеальных типов. Объединение трех осей координат (рис. 3) можно рассматривать как иное прочтение “географической матрицы пространственности” Г.Д. Костинского. В приводившемся выше определении территории Д. Делани можно также видеть три аспекта: власть (подразумевает централизованность), значения (обычно относительны) и общественное пространство (относительно однородно в пределах территории). Вряд ли можно говорить, что любая территория всем этим обладает – для территории эти признаки вторичны. Но она содержит их “в зародыше”, является базисом для их развертывания по трем выделенным нами осям районообразования. И это не случайно: Делани по американской традиции подразумевал под территорией именно административно-хозяйственную единицу.

Расширение интерпретации. Получив систему координат районирования, было бы интересно “вписать” в нее и другие пространственные категории. Не претендуя на однозначность, попробуем предложить свой вариант для поня-

тия “место”. Этимологически оно происходит от слова “метка”. (В других языках – от “столб”, “цель”) Мечение позволяло человеку преодолеть относительность и неопределенность пространства [16, с. 24]. Однако невозможно согласиться с мнением Г.Д. Костинского, что место – лишь точка, противопоставляемая пространству [16, с. 25]. Напротив, место – часть геопространства, отмеченная человеком, привносящим некоторый собственный смысл. Геопространство с присвоенным “адресом” может быть и точкой, и территорией (“отмеченный”, огороженный участок). Таким образом, “место” мы должны расположить на оси нормативно-реляционного района (по Г.Д. Костинскому – на “оси смыслов”). Но отдельное место относится к такому району так же, как отдельный ареал к однородному району. Поэтому поместим “место” на половине соответствующей оси понятий (рис. 3). Точку же, синтезирующую признаки всех трех типов районов, правомерно соотнести, по нашему мнению, с функциональным районом (тем самым, о котором писали еще А.А. Минц и В.С. Преображенский [18]). Он одновременно обладает однородной функцией и является функциональным узлом, предполагает наличие множества других функциональных пространств (а значит является районом). Вместе с тем сама функциональность хотя и связана с материальными особенностями территории, привносится извне и часто является относительной и субъективной. Аналогично можно попытаться найти место в предложенной матрице и другим пространственным понятиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. 350 с.
2. Анимича Е.Г. Пространственная организация общества: постановка проблемы и концептуальные установки // Изв. УрГЭУ. 2007. № 2 (19). С. 82–85.
3. Бабурин С.Н. Территория государства. Правовые и геополитические проблемы. М.: МГУ, 1997. 480 с.
4. Гладкий Ю.Н. Гуманитарная география: научная экспликация. СПб.: Филологич. ф-т СПбГУ, 2010. 664 с.
5. Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994. 868 с.
6. Джеймс П., Мартин Дж. Все возможные миры. История географических идей. М.: Прогресс, 1988. 672 с.
7. Елацков А.Б. Политическое геопространство как объект исследования. I. Виды и пределы пространств // Вест. СПб. ун-та. 2012. № 2. С. 125–135.
8. Зеленская А.Е. Вертикальная структура расселения Кабардино-Балкарии // Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза / Сост. П.М. Полян и А.И. Трейвиш. М., 2012. С. 772–779.
9. Зобова Л.Л. Территория и пространство: близнецы или двойняшки? // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 33. С. 6–12.
10. Исаченко А.Г. Проблемы взаимоотношения природных и общественных территориальных систем // Изв. Рус. географ. о-ва. 2004. Т. 136. Вып. 1. С. 3–15.
11. Исаченко А.Г. Теория и методология географической науки. М.: Академия, 2004. 400 с.
12. Каганский В.Л. Основные практики и парадигмы районирования // Региональные исследования. 2003. № 2. С. 17–30.
13. Каледин Н.В. О соотношении “геопространственных” и “геотерриальных” категорий // Эволюция общественно-географической мысли: матер. междунар. науч. конф. / Под ред. А.Г. Дружинина и А.И. Чистобаева; АРГО. СПб., Ростов н/Д, 2012. С. 133–138.
14. Кокин В.Н. Соотношение категорий “недра” и “государственная территория” // Изв. высших учебных заведений. Геология и разведка. 2008. № 1. С. 62–65.
15. Косолапов Н.А. Глобализация: территориально-пространственный аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 6. С. 3–13.
16. Костинский Г.Д. Географическая матрица пространственности // Изв. РАН. Сер. геогр. 1997. № 5. С. 16–31.
17. Малков С.П. Международное космическое право. СПб.: ГУАП, 2002. 344 с.
18. Минц А.А., Преображенский В.С. Функция места и ее изменение // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1970. № 6. С. 118–131.
19. Родоман Б.Б. География, районирование, картоиды. Смоленск: Ойкумена, 2007. 368 с.
20. Смирнягин Л.В. Узловые вопросы районирования // Изв. РАН. Сер. геогр. 2005. № 1. С. 5–16.
21. Темирбеков А.Т. О сущности и соотношении понятий “территория” и “пространство” в экономической и социальной географии // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика / Под ред. А.П. Катровского. Смоленск: Универсум, 2011. С. 279–283.
22. Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 399 с.
23. Файбусович Э.Л., Герасименко Т.И. Регионалистика: курс лекций. Оренбург: ОГУ, 2010. 94 с.

24. Хартсхорн Р. Политическая география // Американская география / Сост. П. Джемс и К. Джонс. М., 1957. С. 169–218.
25. Чихарев И.А. Проблематика политического пространства и времени в современной политологии и международных исследованиях // Политическая наука. 2009. № 1. С. 7–31.
26. Agnew J. The Territorial Trap: The Geographical Assumptions of International Relations Theory // Review of International Political Economy. 1994. V. 1. № 1. P. 53–80.
27. Delaney D. Territory and Territoriality // Internat. Encyclopedia of Human Geography. 12-V. Set / R. Kitchin, N. Thrift, eds. Amsterdam: Elsevier, 2009. V. 11. P. 196–208.
28. Elden S. Thinking Territory Historically // Geopolitics. 2010. V. 15. №. 4. P. 757–761.
29. The Dictionary of Human Geography / Ed. D. Gregory [et al.]. 5th ed. Chichester, U.K.: Wiley-Blackwell Pub., 2009. 1072 p.
30. The Dictionary of Physical Geography / Eds D. Thomas, A. Goudie, 3rd ed. Oxford: Blackwell Pub. 2000. 626 p.

Territory and region in the geographical matrix of spatiality

A.B. Elatskov

St. Petersburg State University

The concept of geotory as synthesis of territory (as land area), aquatory (as water area) and aerotory (as air space) is investigated in a context of the Russian geographical school. The content and structure of the terms “territory” and “geotory” (by E.B. Alaev) are analyzed. Their relationship with the concept of geospace and various types of regions are discussed within the geographical matrix of spatiality, alternative to the matrix by G. D. Kostinsky. Several new concepts (lithotory, hydrotory, rule-relational region etc.) related to the structure of geotory and types of regionalization are proposed.